

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ДЕКАБРЬ 2014 г. • № 12 (218) **ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ**
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ 2014

Будущий год назвали – Годом литературы. Но можно ли назначать литературу сверху? Будет ли достойная литература в будущем 2015 году – никто не скажет. А вот проходящий 2014 год явно стал достойным Годом Русской литературы.

Если смотреть широко, планетарно, то главным литературным событием 2014 года стал юбилей великого русского поэта, мистика, пророка Михаила Лермонтова. Нашему классику исполнилось 200 лет. К юбилею я сумел издать в серии ЖЗЛ свою версию судьбы русского гения "Михаил Лермонтов. Мистический гений", в течение года проходили конференции и фестивали в Пятигорске, в Тарханах, в Москве и Шотландии, в Китае и в США. Рад, что нашёл время и посетил Тарханы в день юбилея русского гения наш президент Владимир Путин.

Думаю, в современной художественной литературе главным событием года стал роман Захара Прилепина "Обитель". Захар уже достаточно известный писатель и входил в число лидеров современной русской словесности со своими повестями "Восьмёрка", сборником рассказов "Грех", коротким, но ёмким романом "Санька", но роман "Обитель" стал и для него открытием, резким рывком вверх, и для всей нашей литературы – событием. Казалось бы, что можно написать о Соловецком лагере, и вообще о лагерях, после Александра Солженицына, Бориса Ширяева, Ивана Солоневича, Варлама Шаламова, тем более человеку, никогда не сидевшему (к счастью)? Но и по характерам героев, и по сюжету, и по глубине видения этот роман стал одним из сокровенных для истории XX века. Прилепин счастливо проплыл между Сциллой и Харибдой, между влиянием соловецких просоветских очерков Максима Горького и оголтело антисоветским "Архипелагом ГУЛАГ" Александра Солженицына, а где-то и полифонично и соединил их. Я рад, что в конце 2014 года этот роман получил и "Большую книгу". Заслуженно.

Хотел бы отметить и необычную для самого автора "Теллурию" Владимира Сорокина, который постепенно становится остро-социальным писателем, заглядывающим в будущее. Впрочем, всё по порядку.

О первом романе года я уже сказал, это: 1. Захар ПРИЛЕПИН, роман "Обитель". И далее по списку: 2. Владимир СОРОКИН, "Теллурия". Я немало в своё время покритиковал этого автора за его явно факальную прозу. Но, к счастью, менялся сам Владимир Сорокин. Его сегодняшняя фантазмагория сейчас стала носить явно социальный характер. Само начало притягивает: "Пора тряссти стены кремлёвские!". Один лилипут призывает тряссти стены, другой лилипут уточняет: "Не тряссти, а сокрушать... И не стены, а головы гнилые". Сорокин отправляет нас одновременно и в будущее, и в прошлое, и везде видит средневековье. Может, он и прав?

3. Александр ПРОХАНОВ, роман "Крым". Этот роман – ещё одно имперское предчувствие писателя. Автор не отправляет нас в Крым, не переносит действие на вновь обретенную Россией территорию, скорее, всё державное развитие событий в романе, жизнь его героя Евгения Лемехова подводит к неизбежности русского Крыма. Этот Крым, Небесный Крым, возникает у писателя и в Якутии, и в Арктике, и даже в воюющей Сирии. Крым – как главный итог возрождения былой исторической России.

4. Алексей ВАРЛАМОВ, роман "Мысленный волк". Проза нынешнего года явно носит исторический характер, даже в своих утопиях и гротесках, от Проханова до Сорокина, она прозревает целые столетия. Что уж тут говорить о таком мастере биографических романов, как Алексей Варламов. Его "Мысленный волк" как бы предвдвует прилепинскую "Обитель", заканчивается преддвдвием "Обители". Среди героев мы узнаем и Михаила Пришвина, и Василия Розанова, и Зинаиду Гиппиус, и Григория Распутина, и многих других персонажей Серебряного века. Что за страшный зверь этот мысленный волк, и сумеем ли мы его одолеть?

5. Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, "Шестой дозор". Это последний роман из знаменитой серии автора о ночных и дневных дозорах. Вроде бы самая крутая фантастика, но на самом деле всё то же вечный спор между силами Тьмы и Света. А поле битвы – сердца людей. Да и в жизни Сергей Лукьяненко давно уже держит свой дозор, оказываясь среди самых верных и мужественных борцов за Россию. Это наш дозорный!

6. Эдуард ЛИМОНОВ, роман "Дед". Если говорить о

нашей современности, о нашей самой новейшей истории, я называю именно эту книгу моего давнего друга Эдуарда Лимонова. Он и на самом деле "дед" нацболов и молодых патриотов, крутой политик, революционер, патриот. Роман "Дед" – итог его жизни последних лет, его стычек и с ментами, и с либералами, в результате которых оказывается, что сегодня ему менты гораздо ближе, чем либералы. Хроника живой истории, хроника этих последних лет жизни, с любовниками и политиками, с друзьями и врагами. Написано по-лимоновски энергично и художественно убедительно.

Далее я назову четыре важнейшие для нашего литературного процесса историко-литературные биографии. Лет десять назад и года не проходило, чтобы биографии писателей не получали самые высокие премии, вспомним и Павла Басинского с его Львом Толстым, и Дмитрия Быкова с Пастернаком, и Людмилу Сараскину с Солженицыным, и Льва Данилкина с Прохановым. Всё это и впрямь были добротные качественные книги. Потом критиков на этой стезе потеснили, а зря. В этом году вышли целых четыре заслуживающих внимания писательских биографии. Начну с Сергея Куняева, работавшего над своей книгой добрых пять лет. Итак:

7. Сергей КУНЯЕВ, "Николай Клюев". Пожалуй, это самая серьёзная работа младшего Куняева. Конечно, много лет занимаюсь Сергеем Есениным, он не мог пройти мимо его старшего товарища и наставника, прекрасного русского поэта Николая Клюева. Интересно, что в этой биографии автор, разбирая сложные временами взаимоотношения между Клюевым и Есениным, всегда становится на сторону Клюева, особенно в период Москвы кабацкой, в период Есенина в цилиндре. Это первая, по-настоящему серьёзная биография выдающегося национального поэта России.

8. Вячеслав КУРИЦЫН, "Набоков без Лолиты". Одно время Курицын был самым модным критиком, а ныне о нём слегка подзабыли, но своей книгой он заставил вспомнить о себе. Ещё бы, крайне оригинальная, ярко написанная, абсолютно нетрадиционная книга о Владимире Набокове. Именно таким и должен быть критик такого писателя. Да и писал её Вячеслав добрых двадцать лет, не спеша перелистывая страницы набоковских шедевров. Это дневник Курицына, путешествующего по творческому маршрутам писателя и его героев. Он пишет свой путеводитель и по биографии писателя, и по его книгам, а заодно и по русской литературе, и по собственной жизни. Книга о Набокове также нестандартна, как и сам Набоков. Думаю, это лучшее, что написано об этом русском писателе и у нас, и за рубежом.

9. Валерий ШУБИНСКИЙ, "Зодчий. Жизнь Николая Гумилёва". О Николае Гумилёве за последнее время вышло сразу несколько интересных книг. Среди них – биография известного питерского историка литературы Валерия Шубинского. Первое издание его исследования вышло десять лет назад, в 2004 году. За десять лет автор, по сути, переписав и дополнив свою книгу, создал цельный образ легендарного русского поэта. Это самое полное жизнеописание Николая Гумилёва, легенды, перетекающие в реальность, бытие, растворяющееся в мифах. Огромная масса документального материала, из которого при желании можно выстроить образ поэта и воина, путешественника и исследователя. Биография Гумилёва влетела в контекст героической и трагической истории России.

10. Валерий ФАТЕЕВ, "Жизнеописание Василия Розанова". Точно так же, спустя десять лет после первого издания, вышла и уникальная биография Василия Розанова, написанная Валерием Фатеевым. Как и в случае с Николаем Гумилёвым, после длительного запрета даже на упоминание имени Розанова, читатели, наконец-то получили полную и подробнейшую биографию ярчайшего писателя Серебряного века, философа, мыслителя. В книге представлены все этапы его жизни, показаны все его противоречия и крайности. Не обойдены ни "дело Бейлиса", ни его христоборческий бунт.

Так получилось, что за один год читатель получил четыре великолепных исследования четырёх великих русских писателя первой половины XX века.

В целом, год 2014 для русской литературы был хорошим. Я понимаю, что другие критики напишут про другие десятки лучших книг года, куда войдут и Ксения Букша, и Владимир Шаров, и Виктор Пелевин, Наталья Громова и Виктор Ремизов, но при всём разнообразии и разночтении будет заметен общий уклон современной литературы в осмысление истории, прошлой и нынешней.

Россия – на уроке отечественной истории.

"Делиться надо" – говорил министр финансов РФ 90-х годов Александр Яковлевич Лившиц, а вслед за ним и многие убежденные либералы.

Конечно же, **надо делиться.**

Делиться печально и радостно, счастьем и горем, мечтами и разочарованиями, убежденностью, сомнениями, надеждой, верой, любовью.

Дмитрий МУРАШОВ

Делиться надо

Надо делиться с родными и близкими, с друзьями, знакомыми и сослуживцами, друг с другом, со всей страной. Делиться надо, обсуждая прошлое, настоящие и будущее.

Делиться, переживая и обсуждая идеи, мысли и планы как жить дальше, как жить по совести и по справедливости, как жить с умом, с душой и с честью, как жить лучше – каждому в отдельности и всем вместе, всем миром.

Но чего не стоит делать, это делиться по Александру Яковлевичу и его последователям. Делиться, испытывая раздражающие мозг буржуа муки либеральной жадности и встречной либеральной толерантности к фальшиво-справедливому налоговому закону.

(В несчастной Америке несчастные граждане при оплате налогов порой теряют сознание в момент расставания со своими деньгами. Поэтому рядом с баблпринтерами зачастую дежурят реанимобили.)

Чтобы не делиться по А.Я. Лившицу и не испытывать антагонистических чувств, нужно просто не брать лишнего, не красть, не присваивать чужого по бесовским буржуиным законам.

И ещё следует понимать, сознавать, что трудиться необходимо не только на себя, но также и во благо Отечества. Того самого, так нелюбимого либералами, бизнес-

менами и прочими гипертрофированными эгоистами. Так что привлекательный, на первый взгляд, лозунг "Делиться надо" есть дешёвая буржуазная уловка, отмазка, хитрость. А хитрость разumnости и мудрости не замана; раньше или позже вскрыется и будет *отдача*, – в обоих смыслах этого принципиально важного, **справедливого** слова, фигурирующего как в законах физики, так и в законах социума.

Таким образом, если чего лишнего присвоили, господа, верните и не играйте в благородство словами и смыслами. Ваши словесные ужимки смахивают на воровской жаргон с враньём, подтасовками и соответствующей либерально-буржуазной идеологией "свободы личности", а по сути – бесовского гиперэгоизма.

Верните чужое. Тогда обойдётся без наказания, если покаетесь.

Народ сострадателен, великодушен, милосерден и справедлив.

Народ простит.

*Какой союз, с какой Германией!
Союзы временны, а Русь
Пусть изживает наркоманию,
Что свиням брат по крови – гусь!*

*На лжи и силе держится держава,
И чем слабей она – тем больше лжи.
Я видел, как моя страна выжиала
С протянутой рукою: "Одолжи!"*

Спасать Россию никогда не поздно

*К тому же нас зовут медведями,
В лесу хозяин кто? – Медведь!
По горло сыты мы соседями,
Которых лучше не иметь!*

*Мы им немного дали праздника,
Ударив с ними по рукам,
А недалёкие проказники
Уже в берлогу лезут к нам.*

*О, лимитрофы неразумные!
Забыли, как всё было встарь?!*

*Все ваши планы как безумные
Мы посылали... на букварь.*

*Медведь всегда найдёт обидчика,
И чтоб понятно было всем:
Ваше прикрытые из ситчика,
А наши когти – пять см(эсм).*

*А дядя Сэм помашет ручкою,
Оставив вас на завтрак нам,
И, отмахнувшись закорючкой,
Поедет в себственный вигвам.*

*И мы опять вас всех отшлѣпаем,
За это зуб я вам даю!
А вы с исплѣстанными попами
Нам скажете опять: сзнк ю!*

Геннадий ВЕРЕЩАГИН

2014 – Год Василия Шукшина в России. Лауреаты медали имени Шукшина (см.стр.2)

Как мы всё-таки странно устроены: мало – нам плохо, много – ещё хуже. Мир всё не слушает оптинского старца Амвросия: "Матрёна, держись среднего тона. Возьмёшь высоко – будет нелегко, возьмёшь низко – будет склизко". Не держится Матрёна среднего тона и всё!

Зайдите сейчас в любую церковную лавку – совершенный супермаркет! Глаза разбегаются. Одни книги погляди-те. Нет неотвеченных вопросов – от рождения до кончины осмотрено всё. Все проблемы преодолены, чудеса явлены, перспективы очерчены, дороги в Царствие Небесное выглажены – только иди!

А перейдите улицу в обычный книжный магазин, и тут на вас бросится жаркий мир искушений и художественной тьмы, высокой мысли и глубинного знания, тонкой метафизики и изощрённого сомнения. И добро бы в церковной лавке звучало только "Осанна Сыну Давидову!", а в книжном магазине: "Распни Его!". Нет, мир исхитрился кричать это одновременно и час-

Валентин КУРБАТОВ

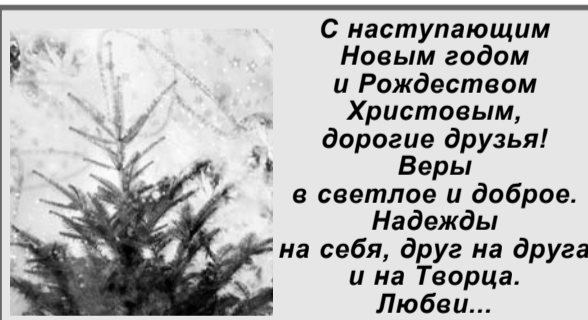
Каждый век диктует свои дороги

то – одни книги стоят на прилавках там и там. И церковь уже не всегда место встречи с Богом и ты простишь с горящей ищущей душой и не услышишь ответа. Книги и загорают. И батюшка, цитирующий их. Вместе и не пустят к божественной полноте.

Как часто у протопресвитера Александра Шмемана в "дневниках" излетает страшное, что "Христа убила и убивает религия", которая усиливает в нас гордыню, самодовольство, фарисейство. Убивает нас её налаженный институт, удобная механика постов, треб, "молитовок и панихидок", которая освобождает душу от встречи с Богом. Достоевский говорил – растёт "духовное пузо".

А тут я открываю задолго до "Дневников" попавшую мне книгу прекрасного покойного философа В.Бибихина "Другое начало", и с горечью читаю, что Бог уже не выходит к людям. Потому что этих людей, как детей Божьих, уже и нет, а все "общественные единицы", дети коллективного сознательного, сложенного если не идеологий, то неотличимой от неё по средствам церковью, что даёт философу повод сказать, что "люди снова дети, но уже дети не Бога, а Церкви". Они предпочли укрыться от вопросов и беззащитного предостания перед Богом в готовых ответах, в "строю", в пугающем Михаила Булгакова "пенин хором", в церковной толпе. И их не осудили, потому что стоять перед Богом в последней открытости – дело мучительное. Хорошо если Бог открывался одинажды, как Якову Бёме или Паскалю, Юлиани из Норича или Иоанну Креста, Серафиму Саровскому или Сергию Радонежскому в полноте и огненной ясности, и сердце горит потом ровным светом непрерывного воскресения. Но в большинстве, в обычном человеческом опыте Истина, по слову петербургского поэта и культуролога А.Машевского, носит "проблесковый", "мерцательный" характер и сердце не держит её, поддаваясь испытательным соблазнам ума, который в нас бродитует настоящим, чем сердце.

Понятно, что душе хочется не "проблеска и мерцания", а не противоречащего уму света. И было бы странно, если бы церковь в тревоге за человека не думала об этом. И естественно, что рядом с всезнающей благочестивой литературой, уверенной, что всё решается смирением и послушанием, "записочкой и поклонником", является тонкое умное богословие епископа Иллариона Алфеева, пронизанное высокой книжностью, блестящей начитанностью, радостным цитированием заново переведённых автором текстов великих учителей Церкви. Или ироничное, чуть нарочито "уличное" в языке, подчёркнуто демо-

С наступающим Новым годом и Рождеством Христовым, дорожие друзья! Веры в светлое и доброе. Надежды на себя, друге на друга и на Творца. Любви...

кратическое богословие дьякона Андрея Кураева, который равно осведомлен и в "тяжёлом роке", и в лёгкой кавалерии интернета. А твой измученный, утомлённый самореклексией ум, вышколенный насквозь атеистическим XX веком, который при сомне святых и новомучеников всё-таки останется в истории пиком атеизма, даже какого-то злого безбожия не для одних нас, но, кажется, и для мира, не даст тебе принять ни простоты, ни тонкости. И ты оста-нешься на сомневающейся стороне тех, кто и за Литургией, как отец Александр Шмеман, не закроет глаза на немощу церкви перед вопросами слововёского Антихриста или Достоевского Инквизитора. И тех, кто и в стихаре на амвоне, как С.Аверинцев, будет искать в Православии место Платону и Плотину, Данте и Вергилию, Симоне Вайль и Мартину Буберу. И тех, кто с философской ка-ноном магазине: "Распни Его!". Нет, мир исхитрился кричать это одновременно и час-

будет всматриваться в

византийскую симфонию государства и церкви и пытаться понять, где там возможный идеал, а где просто договор между внешне принявшей веру империей и освобождённой от земных забот для "чистого Неба" церкви при совершенном равнодушии друг к другу.

И куда денешь пограничные, на пороге церкви являющиеся и множачиеся книги литераторов, которые за художественной формой прячут живое сматнение (возьмите хоть Л.Улицкую с её "Даниэлем Штайном", М.Кучерскую с "Богом дождя" или тревожную поэзию церковного притвора О.Седаковой, О.Николаевой или Г.Русакова)? Они сами-то рядом друг другом, может, и не станут, уверенные, что делают разное дело, да раненое сердце тонкостей не видит.

Мы слишком долго были сиротами, безотцовщиной, когда Бог писался с подчёркнуто маленькой буквы, которая сегодня в текстах той поры кажется прямо нарочитой. Отцы земные заслонили для нас Отца Небесного так прочно, что мы за собой никакой вины не чувствовали и возвращаемся сейчас к этому Небесному Отцу не как блудные дети со слезами покаяния, а как возвращаются из детдома – с вызовом и требовательностью, ожидая любви и потакания, а не спроса и ответственности. Впрочем, разве мы одни? И сам-то мир, шедший как будто более традиционной дорогой, тоже давно позабыл своё детство, где вера чиста и априорна.

И теперь, судя по интеллектуальному тонкому богословию, переодетому в причти и сказки Толкиена и Льюиса и в детективные романы Честертона и У.Эко (даже если убирать умные провокации Дэна Брауна и Переса Реверте или ложно глубокие причти Козьмо или мистификации Анхеля де Куатзе), этот традиционный мир тоже подвергает веру испытаниям ума.

Каждый век диктует свои дороги домой, где Бог всё ждёт нас. Сегодня эти дороги часто окольные и полны опасностей, но их не обойдёшь. Входить в церковь через университетскую аудиторию стократ труднее, чем через детское причастие. Но зато этот путь твёрже и человек, вошедший этой испытательной дверью, потом оказывается вернее навсегда обрётённым Отцу.

Иногда кажется, что и кризисы посылаются нам, чтобы мы скорее осознали цивилизационные тупики и выбрали пути культуры и веры, которые одни в тысячелетиях истории не изменяют нам, как не изменяет Бог в своей неизменной исцеляющей полноте.

Псков

ПИСЬМО
Владимиру Бондаренко
о его статье против Макаревича

Володя! Вот ты пишешь, дорогой писателю, по поводу 500 тысяч штрафа Савё-

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

А коту продавать не надо

ловского суда с Проханова: – "Неужели и впрямь наше государство дрогнуло перед западным миром?".

– Не дрогнуло, а дрожит, и уже давно.

– "Неужели согнулось перед санкциями?".

– ...В три погибели.

– "Неужели сломалось перед либеральным напором?".

– А что иное, если Гарант выражает соболезнование по поводу смерти суки Ново-

дворской?

– "Это же последний знак нашим друзьям и в Сербии, и в Белоруссии, и в Иране, и даже в могучем Китае. Это знак возможного нашего предательства".

– Почему возможного? Давно сушего. Кто спровоцировал Новороссию на восстание своим обещанием поддержать и защитить всеми имеющимися средствами, а потом сбежал в бразильские джунгли, т.е. предал?

– "Это знак нашей ненадёжности во всём".

– Это знак высокого качества нашей (их) ненадёжности буквально во всём.

– "Если уж Проханов, вечный рыцарь русской импер-

скости, защитник путинской политики, так спешно и трусливо переброшен через ров на растерзание своим против-

никам, то чего же ждать дру-

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".

– Чего? Того же самого. Не ждёшь? Думаешь, учтут твой восторженный лепет о Бродском сразу после Лермонтова? Ты виноват уж тем, что русский.

(ПРИМЕЧАНИЕ адресата: –

гим патриотам?".